

Л. Н. Хаховская

Хаховская Людмила Николаевна (Магадан, Россия) — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории истории и археологии Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института им. Н. А. Шило Дальневосточного отделения Российской академии наук. E-mail: hahovskaya@neisri.ru

ЛЮБОВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В УСЛОВИЯХ НЕСВОБОДЫ (ФРАГМЕНТЫ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ В АРХИВНЫХ ИСТОЧНИКАХ ПЕРИОДА ДАЛЬСТРОЯ)

Привлечено внимание к исследованию частной жизни, описанию любовных чувств и эмоций людей в условиях лагерной Колымы. На основе архивных источников рассмотрены любовные отношения между свободными людьми и заключенными Севвостлага (конец 1940-х гг.). Показан жесткий идеологический контроль над личными чувствами членов ВКП(б), намеренное смещение их жизненных приоритетов.

Ключевые слова: Севвостлаг, Дальстрой, Колыма, исправительно-трудовые лагеря, Эльген, заключенные, любовные отношения, личная жизнь.

L. N. Khakhovskaya

Lyudmila Khakhovskaya (Magadan, Russia) - PhD in History, Senior Researcher at Noartheastern Complex Research Institute of the Russian Academy of Sciences, Laboratory of History and Archaeology;
E-mail: hahovskaya@neisri.ru

LOVE RELATIONSHIPS IN CONDITIONS OF UNFREEDOM (FRAGMENTS OF PERSONAL LIFE IN THE ARCHIVAL SOURCES OF DALSTROY PERIOD)

The paper contains the study of privacy, describes love feelings and emotions of people in the conditions of the Kolyma prison. Love relationships between free people and prisoners of Sevvostlag (late 1940s.) are considered on the base of archival sources. The strict ideological control over personal feelings of members of the CPSU(b) and the deliberate shift of their life priorities are shown.

Key words: Sevvostlag, Dalstroy, Kolyma, prison, Elgen, prisoners, love relationships, personal life.

Современной историографии российской истории свойственно усиление интереса к исследованию частной жизни, описанию чувств и эмоций людей как в обыденности, так и в пограничных ситуациях, которыми столь щедро было отмечено ушедшее столетие. В частности, опубликована работа, посвященная такому деликатному вопросу, как любовные отношения известных лиц, пронесенные через годы гражданской войны [10]. В данном сообщении я хотела бы коснуться именно этого аспекта человеческих взаимоотношений и на двух примерах показать «любовную линию»

SEX & GENDER: ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ
ИЗМЕРЕНИЕ

людей хотя и совершенно неизвестных, но развившуюся на не менее значительном и травмирующем историческом фоне: в исправительно-трудовых лагерях Колымы конца 1940-х гг.

Хорошо известно, что в колымских исправительно-трудовых лагерях сложилась чрезвычайно тяжелая обстановка, подвергавшая людей жестоким физическим и нравственным страданиям. В последние десятилетия об этом написана масса мемуарной и художественной литературы, осветившей, среди различных аспектов, и любовные отношения там, где им, казалось бы, не могло найтись места. Однако естественные человеческие желания и чувства и в неволе не угасали, хотя были деформированы из-за тяжелых условий существования и тотальной системы ограничений, не последнюю роль в которой играли предписания идеологического характера.

На сюжете, связанном с ролью идеологических установок, вторгавшихся в наиболее сокровенную сферу частной жизни людей, я остановлюсь. Следует отметить, что в научной литературе, в отличие от художественной, тема любовных чувств, возникавших в лагерной неволе, практически не освещена, что объясняется специфичностью и скудостью источниковой базы. В частности, архивные дела, на которые опираются исследователи, содержат крайне мало сведений такого плана, поэтому редкие документальные свидетельства возникновения нежных чувств в условиях лагерной Колымы привлекают внимание. Исходным посылом и основой моей работы стали протоколы заседаний бюро Среднеканского районного комитета ВКП(б) от 1949 года¹. Именно в Среднеканском, одном из трех административных колымских районов того времени, находилась большая часть лагерей Севвостлага². Происхождение этих документов накладывает отпечаток на

их содержание: это сведения, преломленные через призму не бесстрастного наблюдения или эмпатии, а категорического морального осуждения, поскольку касаются любовных отношений между заключенными и теми, кто не просто работал на Колыме по вольному найму, но, в известной степени, относился к политической элите — членам правящей партии.

На Колыме тех лет все грани социальной жизни были экстремальными, сдвинутыми, отличавшимися от естественных норм. В рассматриваемом аспекте это, прежде всего, нарушение соотношения между численностью мужчин и женщин³. Резкая гендерная диспропорция и локальная изолированность существовала как среди заключенных, так и среди тех, кто призван был их охранять. «Спецконтингенты» обоих полюсов исключительно или в подавляющем большинстве состояли из мужчин, поэтому редкие женские лагеря неизбежно должны были стать объектами их пристального внимания⁴. Но возможности заключен-

3 К сожалению, я не располагаю данными на конец 1940-х гг., но положение едва ли могло быть другим, чем несколькими годами позже. Так, согласно архивным данным, на 01.10.1950 г. заключенные Севвостлага гендерно распределялись так: 138218 мужчин и 22991 женщина [11]. Два годами позже (на 01.11.1952 г.) из 154453 заключенных женщин было 17823 [4]. По другим данным, с учетом Особого (Берегового) лагеря (Берлага) в заключении в 1952 г. содержалось 189047 чел., в том числе 24128 женщин [12]. Таким образом, доля женщин в общей численности заключенных в разные годы составляла от 12,7% до 14,2%. Примерно такое же положение, как будет видно далее, сложилось среди вольного населения.

4 Со второй половины 1930-х гг. узницы ГУЛАГа на Колыме размещались в отдельных лагерных пунктах (ОЛПах) вблизи г. Магадана, в поселках Дукча (Магаданский городской совет), Ола (Ольский район), Эльген, Мылга (Среднеканский район, Северное горно-промышленное управление (ГПУ)). В организованном в 1948 г. Береговом лагере (Берлаге) (Среднеканский район) имелся рудник «Хениканджа», на 90% укомплектованный женщинами [1, с. 62]. Существовали также такие женские ОЛПы, как «Вакханка» (фабрика имени Чапаева), «Кармен», «Детрин», относившиеся к горнорудному комбинату «Бутугычаг». Заключенные здесь работали на дробильной и обогащательной фабриках, обслуживали бремсберги (рудоспуски) и узкоколейку по доставке руды из горных выработок на фабрику, заготавливали лес, зимой расчищали перевалы от снега [5]. Общее число заключенных Берлага на 01.01.1949 г. насчитывало 15570 человек, среди

1 Содержатся в Центре хранения современной документации Магаданской области (ЦХСДМО).

2 Севвостлаг (Северо-Восточный исправительно-трудовой лагерь), иначе УСВИТЛ (Управление Северо-Восточных исправительно-трудовых лагерей) — система исправительно-трудовых лагерей ОГПУ–НКВД–МВД СССР, существовавшая на той территории Северо-Востока СССР, которая была подведомственна Дальстрою.

SEX & GENDER: ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ
ИЗМЕРЕНИЕ

ных установить контакты с женщинами-узницами были крайне ограничены: такими привилегиями пользовались лишь «зэки», находившиеся в достаточно вольных условиях — лагерная обслуга из заключенных; расконвоированные работники командировок вблизи женских лагерей; участники концертных бригад.

Незаконно репрессированный Г. С. Жжёнов, в 1940-х годах входивший в такую труппу заключенных-артистов, ярко описал это неудержимое **«сексуальное притяжение»**: *«...горно-обогательная фабрика «Вакханка» — единственный женский лагерь на Теньке! Эпицентр всех наших желаний! ... никакие угрозы начальства, никакие охранные меры оказывались в эти дни не в силах оторвать мужчину от женщины...»* [6, с. 170, 171]. По воспоминаниям других колымских очевидцев, «вообще в 1940 году лагерный режим стал слабеть. Некоторые «зэки» из «бытовиков» ухитрялись в выходные дни ходить за 20 километров в совхоз «Эльген» в поисках женских ласк» [2, с. 130].

Не менее остро «женский вопрос» стоял и среди свободных колымчан. Большинство вольнонаемных или освобождавшихся из лагерей мужчин не могли создать здесь семью — крайне мало было женщин, работавших в Дальстрое по вольному найму, да и многие из них приезжали сюда вслед за мужьями⁵. Тех же представительниц слабого пола, кто отбывал срок заключения и выходил из зоны, уже ожидали готовые жениться поклонники, причем их ожидание длилось порой годами. Для смягчения гендерного «перекаса» в конце Великой Отечественной войны в стране был объявлен комсомольский призыв на Колыму. Откликнувшиеся две тысячи девушек-комсомолок 18

августа 1945 года прибыли в «столицу Колымского края» и в ближайшие месяцы все без исключения вышли замуж, из-за чего этот призыв получил наименование «ярмарки невест» [8, с. 48]. Конечно, эта акция не решила проблему «дефицита женщин», такое стало возможным только после ликвидации Дальстроя и лагерной Колымы, к концу 1950-х годов.

Среди причин, позвавших девушек на далекий Север, далеко не последнюю роль также играло желание создать полноценную семью: ведь на «материке», обескровленном жестокой войной, женихов явно не хватало. Эту географическую гендерную асимметрию остро ощущали и подневольные женщины, попадавшие на Колыму в конце войны: «В Эльгене — другое дело. Зона-то женская, но ведь только шагни за вахту — куча мужчин! Колыма, наверно, последнее место на земле, где мужиков вдвое больше, чем нас, где еще ценят нашу красоту» [3, с. 399].

Среди колымских женских ОЛПов наиболее крупным и известным являлся упоминавшийся выше «Эльген», один из крупнейших аграрных совхозов Дальстроя, на базе которого с конца 1934 года создается одноименный исправительно-трудовой лагерь. Первые годы это был обычный лагерь, затем сюда начали водворять женщин, которые на два последующих десятилетия и стали основной рабочей силой. Размещение осужденных женщин в «Эльгене» было продиктовано не только возможностью применять их труд на сельскохозяйственных работах, но и необходимостью изолировать узниц от мужского (как лагерного, так и вольнонаемного) населения Колымы. Поэтому руководство Дальстроя взяло курс на создание «специфически-гендерного» хозяйства, к тому же весьма отдаленного от Магадана, который являлся «входными воротами» ГУЛАГа и местом формирования этапов на золотодобывающие прииски.

Лагерь и его сельскохозяйственные угодья располагались в долине р. Таскан (левый приток р. Колыма в ее верхнем течении), микроклимат которой благоприятствовал созреванию в открытом грунте картофеля, капусты, моркови, свеклы и других огородных культур, а также кормовых

них находилось 2165 женщин [1, с. 61, 62]. Кроме Берлага, ОЛПы с преимущественно женским составом в послевоенное время были созданы в других лагерных управлениях: «Женский» (Западное ГПУ), «Хатыннах», «Комендантский» (Северное ГПУ), «Дусканья», «Кулу», «Ветренный», «Бодрый», «Комендантский» (Тенькинское ГПУ) [Там же].

5 По данным С. М. Мельникова, в 1943 г. женщины составляли около 7% среди вольнонаемного состава (6396 человек), а десять лет спустя, в 1953 г., этот показатель возрос до 15,6% [9], главным образом за счет того, что вольнонаемный контингент пополняли бывшие заключенные.

SEX & GENDER: ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ
ИЗМЕРЕНИЕ

культур для скота (овес, ячмень). В теплицах здесь выращивали помидоры, огурцы, зелень, на фермах содержали крупный рогатый скот, лошадей, свиней, были в хозяйстве даже яки и ослы. Кроме того, женщины трудились на сенокосе, лесоповале, добыче извести. «Эльген» получил печальную известность во многом благодаря писательскому таланту одной из его заключенных, Евгении Соломоновны Гинзбург.

О женском «лице» «Эльгена» говорит состав заключенных этого ОЛПа: так, на 10 декабря 1948 года здесь содержались 1953 женщины из общей численности узников 2048 человек [11]. К началу 1949 года в «Эльгене» насчитывалось 1649 подневольных женщин, из них 1529 были расконвоированными, то есть работали без охраны. Из-за этого женский лагерь «Эльген» был постоянной «головной болью» партийных и советских руководителей Среднеканского района. Так, в протоколе IX районной партийной конференции читаем: *«Совхоз «Эльген». У нас находится женский лагерь. Женщины не изолированы, чаще всего разбросаны на больших расстояниях, то есть на командировках. Женщины не охраняются, поэтому часто встречаемся с безобразиями. Встречаются убийства и сожительство с заключенными, в результате беременные женщины. Был организован Дом младенца»* (ЦХСДМО, ф. 10, оп. 1, д. 293, л. 26).

Насколько интенсивными были интимные связи женщин-заключенных, свидетельствует факт массового рождения у них детей. По оценке исследователя С. П. Ефимова, в колымских местах заключения родилось не менее 400 младенцев [7]. В некоторых случаях это был сознательный выбор женщин, имевших большие сроки заключения — понимая, что после освобождения вряд ли смогут иметь детей, они решались родить в неволе. Здесь же, в Эльгене, был создан детский комбинат, где детей содержали до двухлетнего возраста, а затем отправляли в детские дома на «материк».

Лагерное начальство и охрана жестко пресекали любовные связи между заключенными, но сами нередко пользовались зависимым положением лагерниц. Однако, как видно из исследований, непростыми были и личные судьбы солдат и

офицеров военизированной стрелковой охраны (ВСО) Севвостлага. Многие, завербовавшись на Колыму накануне войны, рассчитывали прослужить здесь лишь несколько лет, но из-за острой нехватки людей и дисциплинарных запретов долгие годы оставались «невыездными», утрачивали связь со своими семьями [13, с. 201]. Эта неустрашенность толкала на нарушение устава, использование своего преимущества. Так, согласно архивным документам, *«в Эльгенском отряде военизированной стрелковой охраны 60% личного состава сожительствоует с заключенными»* (ЦХСДМО, ф. 10, оп. 1, д. 295, л. 229). Возможно, со стороны лагерной охраны чаще всего это были непродолжительные отношения. Но глубокие человеческие чувства отнюдь не были чужды людям, служившим в рядах «вохры», о чем свидетельствует запечатленная в архивных документах судьба одного из них.

Лиходедов Николай Васильевич⁶ с 1944 по 1947 год служил командиром отделения Северного отряда ВСО, охранявшей женский исправительно-трудовой лагерь «Эльген». Согласно анкетным данным, Лиходедов родился в 1914 году, происходил из крестьян-бедняков, имел начальное образование. В апреле 1945 года он становится кандидатом в члены ВКП(б). Трудно судить, насколько он разделял коммунистическую идеологию, ведь должность командира сама по себе предполагала неприменную партийность военнослужащего. Во всяком случае, политическим рвением Николай Васильевич явно не отличался — разбирая его персональное дело летом 1949 года, товарищи по партии заявили: *«Безразличное отношение к выполнению уставных требований и нежелание работать над поднятием своего идейного уровня, привело его к потере политической бдительности»* (ЦХСДМО, ф.10, оп.1, д. 207, л. 104). Безразлично он относился и к карьерному росту, поскольку не предпринимал никаких действий по вступлению в члены партии, хотя, как гласят документы, *«имел все возможности»*.

«Потеря политической бдительности» выражалась в том, что Лиходедов вступил в связь с

6 Все упоминаемые в архивных документах фамилии изменены.

SEX & GENDER: ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

заклученной Сибиряковой Анной Михайловной, отбывавшей 10-летний срок заключения с последующим поражением в правах на 3 года по статье 58/1а УК РСФСР (измена Родине). Чувства охранника к эльгенской узнице были настолько серьезными, что он намеревается связать с ней свою судьбу и буквально на следующий день после освобождения Сибиряковой из лагеря в марте 1947 года подает рапорт командованию с просьбой о разрешении жениться. Конечно, последовал отказ. Последовали неоднократные «прорабатывания» со стороны начальства и сослуживцев с целью отговорить от опрометчивого, на их взгляд, шага. И тут во всей полноте проявилась твердость характера Лиходедова — он *«решил действовать дальше по пути сближения с Сибиряковой»* (Там же), для чего уволился из ВСО, последовал за ней в поселок Таскан⁷, вступил в колхоз и с мая 1947 года стал работать там заведующим складом.

Серьезную весомость поступку Николая Васильевича придает то обстоятельство, что Сибирякова ко времени освобождения имела двух малолетних детей, рожденных в лагере, отцом которых, как будет ясно из дальнейшего, был не Лиходедов. Судя по скудным сведениям документов, Сибирякова была «кавэжэдинкой» — работницей Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), построенной в 1898-1903 годах совместно Россией и Китаем. Значительную долю тружеников КВЖД составляли русские, проживавшие в те годы в Китае. В годы японской оккупации страны (1931-1945 гг.) «кавэжэдинцы» возвращались в СССР, где многих из них ждала печальная судьба репрессированных уже за тот факт, что они находились на территории врага. Отбыв срок, Сибирякова с детьми поселилась в Таскане, устроилась на работу школьным поваром и вышла замуж за своего бывшего охранника.

⁷ Поселок Таскан до 1954 года был центром Среднеканского района. Осужденные, освобождавшиеся из лагерей, но по разным причинам не имевшие возможности выехать на «материк», зачастую оседали в Таскане, где находилась центральная усадьба колхоза «Красный богатырь». Колхоз объединял, в основном, местных жителей — эвенов и якутов, которые пасли оленей, занимались огородничеством и животноводством.

В течение последующих двух лет Лиходедов вел спокойную семейную сельскую жизнь, мало связанную с партийной деятельностью, хотя и встал на учет в местной ячейке. Но вот партия оставить его в покое не могла. 12 мая 1949 года состоялось заседание первичной партийной организации колхоза «Красный Богатырь», где выяснялись подробности его личной и общественной жизни. Итоговые формулировки были все те же: Лиходедов *«не работал над поднятием своего идейно-политического уровня, не участвовал в партийной жизни. Имея просроченный кандидатский стаж, не принимал меры для вступления в члены ВКП(б)»* (ЦХСДМО, ф.10, оп.1, д. 207, л. 103). В результате *«за потерю партийной бдительности, за сожительство с бывшей заключенной, судимой за измену Родине»*, Лиходедова из кандидатов исключили.

Идеологическая обработка была продолжена на заседании бюро Среднеканского райкома ВКП(б) 21 июня 1949 года. И здесь состоялся любопытный диалог, высвечивающий тотальность партийного контроля над жизнью и чувствами людей. Приведем его полностью.

«Вопрос (кто-либо из членов бюро). Как расцениваете факт сожительства с бывшей заключенной, судимой за измену Родине?

Ответ (Лиходедов). Может быть, неправильно, но я расцениваю так: если она освобождена из лагеря, то она такой же гражданин. Если изменница, не надо было освобождать ее из лагеря.

В. Вам понятно, что она пока еще имеет лишение прав гражданства?

О. Понятно.

В. Как Вы считаете, после пребывания в заключении она исправилась?

О. Прежде чем сойтись, я с ней говорил. Она рассказывала всю свою бытность с самого детства. Я разговаривал с ней на политические темы. При этом дело доходило до слез. Но эти женские слезы как осенняя роса. Она ни в чем не разбирается.

В. Какое образование у ней?

О. 5 классов. Читает, пишет. Газет она совсем не читает.

В. Она вынудила Вас уйти из военизированной охраны?

SEX & GENDER: ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ
ИЗМЕРЕНИЕ

О. Нет. Ее вины нет. Вина моя, что я женился. Но хорошо, пусть я брошу ее и уеду. Что будет делать она? У ней двое ребят. Я к ним привык, хотя они и не мои.

В. Сможете ли сейчас порвать с ней отношения?

О. Нет, сейчас разойтись не могу.

В. В партии Вы 4 года, а с ней только 2 года. Неужели Вам так трудно порвать с ней всякие отношения?

О. Ну и что же. Все равно не могу я разойтись

В. Что известно о родственниках Сибиряковой?

О. Отец и мать жили на станции Пограничная⁸. Во время войны их наверное оттуда переселили. Сейчас проживают в городе Новосибирск.

В. Как Вы считаете сами о партийности?

О. Нигде в уставе ВКП(б) не записано, что нельзя жить с бывшей заключенной. И это не должно ставить меня вне рядов партии» (ЦХСДМО, ф.10, оп.1, д. 207, л. 104).

Как видим, Лиходедов под жестким прессингом товарищей по партии не отказался от семьи и отстоял право на личную жизнь и чувства, хотя и ценой потери партийного статуса. Такой взаимоисключающий выбор власть могла ставить перед человеком в силу навязываемого обществу в тот период представления о иерархии жизненных приоритетов — политическая преданность стоит выше личных привязанностей. Намеренное размещение ценностей различных сфер жизни на одной оценочной шкале неизбежно приводило к тому, что партийные отношения приобретали личностный оттенок, характер не только политических убеждений, но и иррациональных, субъективно-эмоциональных связей. Предлагая на одних весах взвешивать чувства к любимому человеку и к партии, идеологи коммунизма смешивали общественную и частную жизнь, усиливали эмоциональную нагруженность партийной принадлежности, обе-

⁸ Станция Пограничная была первой станцией КВЖД на китайской территории. После продажи дороги переименована в Суйфэньхэ, ныне один из крупнейших городов Северо-Восточного Китая

сценивая при этом любовные и родственные узы, существовавшие между людьми.

Об этом ярко свидетельствует другая личная драма, отражение которой находим в архивных документах. Речь идет о чувствах молодой свободной женщины к недавно освободившемуся «зэку». События развернулись в 1949 году в том же поселке Таскан. Валентина Александровна Васильева, 27-летняя учительница Тасканской семилетней школы, на Колыму приехала вместе с родителями. Судя по документам, Васильева отличалась достаточно высокой политической активностью — она была членом райкома и бюро ВЛКСМ, агитатором, вела занятия политшколы в колхозе «Красный Богатырь», готовилась к вступлению в партию, занимаясь в кружке по изучению «Краткого курса истории ВКП(б)». В феврале 1949 года она становится кандидатом в члены партии (Там же, л. 16).

Но уже в октябре этого года Васильева получает партийное взыскание «за притупление политической бдительности» и «за антипартийный поступок, выразившийся в связи с бывшим заключенным, осужденным за вредительство» (Там же, л. 130). Как и Лиходедов, Васильева вначале пыталась убедить сопартийцев в политической лояльности своего избранника: «Мне говорили, что нельзя этого делать — встречаться и держать связь с Гревским. Я сама не хотела. Но я не могла не встречаться с ним. И я решила связать свою судьбу с Гревским. Гревский мне нравится. Он скромный, вежливый, добрый, отзывчивый. Он по своим политическим взглядам является советским гражданином»; «Мне дорога партия, я не могу порвать с партией. Но, вы понимаете, я Гревского люблю»; «... я осталась советским человеком. Гревский нравится мне. Если он не член партии, то это не значит, что нельзя его любить» (Там же, л. 131). Но далее линии их поведения расходятся: под давлением райкома и первичной парторганизации райисполкома Васильева склоняется к разрыву отношений: «На партсобрании, после убедительных выступлений коммунистов, я пришла к выводу порвать связь с Гревским. Выступали коммунисты и сказали, что лишаешься партии, положения из-за

SEX & GENDER: ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Гревского, который имеет судимость. Я поняла, что пошла по неправильному пути и решила порвать с Гревским» (Там же).

Выполнить решение оказалось нелегко: Васильева продолжала встречаться с Гревским. Но желание девушки устроить личную жизнь согласно влечению сердца столкнулось с жесткой позицией партийных функционеров. На очередном заседании бюро Среднеканского райкома партии Васильева, по-видимому, морально совершенно подавленная, сделала окончательный выбор: «Я хочу остаться в партии. Пусть дают какие угодно партийные поручения, я их буду выполнять. Я прошу оставить меня в партии. С Гревским у меня все покончено» (Там же, л. 133). Но принесенная в угоду идеологическим догмам личная жертва девушки в итоге оказалась напрасной – члены бюро исключили ее из кандидатов в члены ВКП(б) и отстранили от учительской работы.

Причины, подтолкнувшие Васильеву к отказу от любимого человека, заключались не только в угрозе отлучения от партии и вытекающих отсюда последствиях. Сильное давление на нее оказывали собственные родители-коммунисты. Вот строки из протокола: «Грязнов: Я беседовал с ее родителями. Они осуждают ее поступок и мать даже заявила: «Если ее исключат из партии, то она мне не дочь и ее ноги не будет в нашем доме» (Там же). Таким образом, для родителей Васильевой членство в партии в конечном счете также оказывается важнее личных чувств и привязанностей.

Итак, за скудными строками архивных документов можно увидеть фрагменты личной жизни нескольких людей, вольно или невольно попав-

ших на Колыму в годы массовых репрессий. Реалии того времени были таковы, что, несмотря на усилия возвести непреодолимый барьер между свободными колымчанами и «зэками», общение между ними было явлением нередким, а после освобождения последних становилось постоянным и повседневным. Это и неудивительно – большую часть населения Дальстроя в 1940-х годах составляли заключенные и бывшие заключенные. Любовные связи и семейные взаимоотношения также несли на себе отпечаток этой гулаговской специфики: в большинстве создаваемых семейных союзов хотя бы один из супругов прошел колымские лагеря. Тотальность этого несвободного мира не могла не затронуть и тех, кто составлял на Колыме политическую элиту и сам не был затронут репрессиями. Но, оберегая идеологическое целомудрие членов партии, власть контролировала их личную жизнь и всеми мерами старалась не допустить пятнающих репутацию любовных отношений, тем более таких, которые перерастали в глубокое чувство и серьезные намерения.

Развернув борьбу против «врагов народа» на любовном фронте, партийные идеологи пытались рациональными аргументами подавить это совершенно нерациональное по сути чувство, дискредитировать и развенчать отмеченный лагерем «объект» нежных привязанностей. Масштабы и жертвы этой борьбы в настоящее время оценить не представляется возможным, но думается, что дальнейший анализ архивных фондов, в том числе остающихся закрытыми, позволит осветить и эту сторону повседневной жизни тех трагических лет.

Литература

1. Бацаев И. Д. Колымская гряда архипелага ГУЛАГ (заключенные) // Исторические аспекты Северо-Востока России: экономика, образование, Колымский ГУЛАГ. — Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 1996. — С. 46 – 72.
2. Вагнер Г. К. Из глубины взываю...(De profundis). — М.: Крут, 2004. — 271 с.
3. Гинзбург Е. С. Крутой маршрут: Хроника времен культа личности. — Магадан: Кн. Изд-во, 1992. — 727 с.
4. Глушенко А. Г. Севвостлаг. URL: http://samlib.ru/g/glushenko_a_g/sevvostlag.shtml (Дата обращения 10.09.2013 г.)
5. Грибанова И. В. Труд в особых лагерях ГУЛАГа: Берлаг, 1948-1954 гг. // Экономическая история. 2010: ежегодник. — М., 2010. — С. 407 – 480.
6. Жжёнов Г. С. Саночки. Рассказы и повесть. — М., 1997. — 203 с.

7. Косова Е. С. «Ксивой» незаконченный роман: как появлялись на свет дети ГУЛага. Электронный ресурс. URL страницы: <http://ria.ru/ocherki/20121029/907645417.html> (Дата обращения 17.02.2013 г.)
8. Кусургашев Г. Д. Призраки колымского золота. — Воронеж: ИПФ «Воронеж», 1995. — 93 с.
9. Мельников С. М. Дальстрой как репрессивно-производственная структура ОГПУ-НКВД-МВД СССР (1932–1953 годы). URL: <http://www.pandia.ru/text/77/443/643.php> (Дата обращения 17.02.2013 г.)
10. Морозова О. М. Любовные тексты участников гражданской войны как исторический источник // Российская история. 2012. № 1. — С. 148 – 161.
11. Память Колымы: Сайт Ивана Паникарова. URL: <http://pamyat-kolymy.narod2.ru/1/7.htm> (Дата обращения 07.02.2013 г.)
12. Паникаров И. А. Колымский ГУЛАГ в 30-е годы. Материалы научно-практической конференции. URL: <http://www.pseudology.org/MVD/Garanschina.htm> (Дата обращения 19.09.2013 г.)
13. Широков А. И. Вольнонаемные работники Дальстроя: колымская повседневность 1930–1950-х гг. // Вестник Том. гос. ун-та. 2009. № 323. — С. 197 – 201.